

ISSN 2221-3260

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 2 (20) 2014

www.theoreticaleconomy.info

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ КАК ДВИЖУЩАЯ СИЛА РАЗРУШЕНИЯ И СОЗИДАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

Лемещенко Петр Сергеевич

доктор экономических наук, профессор. Белорусский государственный университет
заведующий кафедрой институциональной и теоретической экономики
г. Минск, Республика Беларусь. E-mail: liamp@bsu.by

Аннотация. Ставится проблема раскрытия роли конкуренции в социально-экономическом развитии в современных условиях. Признавая конкуренцию как необходимый и свойственный, в том числе и человеку, атрибут деятельности, в статье отмечаются неконкурентные сферы жизнеустройства человека. Одновременно раскрывается доминирующее значение конкуренции институтов, среди которой интеллектуальное соперничество выступает исходным условием развития.

Ключевые слова: экономикс; институциональная конкуренция; производство институтов; разрушение; созидание; кризис

Код УДК: 005.5476 005.332.4(476)

Annotation. The problem of disclosure of the role of competition in the socio-economic development in present conditions is disclosed in the present article. While recognizing the competition as a necessary and inherent attribute in the person, we are mentioning noncompetitive areas of a human life. At the same time the dominance of competition institutions is revealed; especially the intellectual competition which is the prerequisite for development.

Keywords: economics; institutional competition; production; destruction; creation; crisis

Понятие «конкуренции» экономической наукой заимствовано, как и многое другое, из арсенала естествознания. Наблюдение за окружающей средой, личный опыт оформлялись в определенные обобщения. Последние легли в основу идей А. Смита, который придал конкуренции в экономическом развитии весьма значимое место. Но, подчеркнем, не абсолютное, что следует не только из контекста или духа работы «Богатство народов» (1776 г.), но и даже из общей концепции труда. Также отметим ради исторической справедливости, поскольку зачастую даже в известных книгах по экономографии пишут о заимствовании А. Смитом в своем произведении получивших распространение идей Ч. Дарвина, что естествоиспытатель лишь в 1859 году опубликовал труд «Происхождение видов путём естественного отбора, или Сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь».

Сегодня, обращаясь к главному и наиболее известному труду шотландского мудреца, мы зачастую осознанно или заблуждаясь, сильно преувеличиваем значение конкуренции, предполагая

лишь (!), что последняя каким-то образом (???) через неопределенный механизм отбора выявит лучших и лучшее, обеспечив потребителям более низкие цены. Однако цены за весь период эволюции экономики рынков не снизились ни на один товар и ни на один процент. Можно предположить, что конкуренции реально в рыночной экономике или не было, или ею опять кто-то пренебрег. Это, во-первых. Во-вторых, указывая на конкуренцию как главную движущую силу экономического развития без объяснения и описания всех сопутствующих процессов политико-экономической и социально-психологической жизнедеятельности, мы тем самым просто расписываемся в непонимании происходящего. Врач тоже, когда не понимает причин болезни, часто обращается к фразе: здоровый организм должен победить... Возможно, но нам в современных условиях даже такого оптимизма явно недостаточно. Слишком большие риски.

Известно, что королева Великобритании после кризиса 2008 года, собрав титулованных некоторых экономистов в известной Лондонской школе экономики, спросила у них, а почему экономисты «проворонили кризис». По словам профессора Луиса Гарикано (Luis Garicano), которому королева адресовала свой вопрос во время своего посещения Лондонской школы экономики, «люди делали то, за что им платили, и поступали в соответствии со своими побуждениями. Однако, с социальной точки зрения, во многих случаях им платили за то, чтобы делать неправильные вещи». В этой фразе можно увидеть, где и какая конкуренция подвела к широко обсуждаемому кризису современности, который, кстати, еще и не завершился. Естественно, сегодня те же экономисты, как правило, из стран как самых влиятельных игроков в мировом сообществе, никогда не определяют правильно и искренне природу и причину не только экономического кризиса, но и других существующих проблем. Дело в том, что выход из мирового общего кризиса не имеет одного пути или инструментов, мер для всех стран в одинаковой степени. К сожалению, сложившаяся даже не конкурентная, а нестабильная мировая политико-экономическая среда породила ситуацию, когда одна группа стран или же некая одна страна, предлагающая некие меры по изменению ситуации, «выживает» за счет других стран. Инструментами этого являются международные институты, которые стали доминирующими регуляторами. Это новый вид ресурса, в обосновании и создании которого, как правило, принимают участие основные игроки мировой экономики. Один из участников упомянутого обсуждения прямо ответил королеве, что экономисты минимизировали издержки кризиса, распределив риски (!?) между хозяйствующими агентами. Контекст этого ответа очевиден: выгоды от кризиса получили одни и в этом великая сила международных законов по защите прав собственности, а издержки и мировой системы хозяйствования, и издержки от конкретных операций (речь идет об операциях соединения финансовых инструментов и рынка недвижимости в США) несут совершенно другие субъекты и страны. Как следует из книги П. Кругмана «Возвращение великой депрессии», ущерб от кризиса 2008 г. непосредственно в США проявился утратой 7 трлн. долл. населением страны и всего лишь 1 трлн. долл. банками. Собственно, вывод, который в разных работах мы можем получить о глобальной экономике, это вывод о том, что в результате такого хозяйствования и с такими институтами бедные стали беднее, а богатые богаче. И действительно, с начала прошлого столетия и на текущий период дистанция между бедными и богатыми увеличилась: 2/3 населения мира принадлежит лишь 3 % мирового материального богатства.

Мы не собираемся заглядывать в карман богатым и даже не морализируем о том, что, в конце концов, богатство создается трудом, о чем свидетельствуют результаты исследования по бинарной экономике и что следует из работ Э. Прескотта. Проблема в том, что капитал приобрел доминирующие рентно-спекулятивные признаки, создав условия для массового вытеснения квалифицированного труда из сложившейся системы хозяйствования. Случилось то, что когда-то предсказывал К. Маркс о результатах накопления капитала и Дж. Кейнс, который обратил внимание еще в то время на его рантьеерские признаки. Скептикам советуем посмотреть статистику безработицы и структуру активов капитала на текущий период.

Поскольку крайне редко можно найти даже среди экономистов, кто прочитал бы до конца не только произведение А. Смита, но и многие другие фундаментальные труды, то случаи грубого передергивания фактов и фетишизации той же конкуренции, и не только ее, приобрели массовый характер. Элемент профессионального невежества нельзя при этом исключать, но то, что учебники по так называемой «экономической теории» являются самым мощным пропагандистским оружием – это исторический и печальный факт.

Малоизвестным фактом является история с учебным пособием П. Самуэльсона, которое в 1964 году было переведено на русский язык, а в 90-е годы уже в другой интерпретации получило массовое распространение на всем постсоветском пространстве – «учимся рынку». Теоретические доктрины классической и марксистской политэкономии, формирующиеся не напористые и не агрессивные «новые теории» без особой борьбы проиграли на интеллектуальном поле идеологии более примитивной, скажем деликатнее – узкоутилитарной, но обставленной несколько убедительнее формулами, не имеющими социально-экономического содержания, графиками и пр. Но ведь этой книге, отражающей определенную доктрину, предшествовало пособие по экономике, подготовленное канадцем Л. Таршисом, которое начинало входить в учебный процесс, но которое не устроило по определенным позициям понимающих роль и значение мышления, идеологии, мировоззрения населения и особенно молодежи. Сегодня уже известны случаи, когда сами студенты, как например, студенты университета Гарварда уходят с лекций известного Г. Мэнкью в знак протеста против вводного курса «экономикс».

«К сожалению, мы не используем знания, которыми обладаем, – пишет П. Кругман, – поскольку слишком многие люди, облеченные властью, ...многочисленный класс говорящих и пишущих, формирующих общественное мнение, по разным причинам предпочли забыть уроки истории и выводы нескольких поколений экономистов и заменить давшиеся большим трудом познания идеологически удобными предубеждениями» [1, с. 9-10]. Так известный лауреат оценивает ситуацию интеллектуального экономического потенциала, сложившегося на текущий период.

Философско-социальную основу смитовской концепции в целом и, естественно, конкуренции, составляет «Теория нравственных чувств» (1759 г.). Ее место трудно переоценить, поскольку на тот период тоже достаточно острый, с точки зрения возросших проблем, зафиксирована и буквально выписана конкретная формула развития социально-экономической общности народов. «Справедливость... представляет главную основу общественного устройства, – пишет А. Смит. – Если она нарушается, то громадное здание, представляемое человеческим сообществом, воздвигаемое и скрепляемое самой природой, немедленно рушится и обращается в прах» [2, с. 101]. Это, по сути, тот результат, который мы получили сегодня, опираясь на извращенное представление об экономике в целом и о конкуренции в частности. Однако здесь проблема более тоньше, чем ее можно представить. В формирующемся новом рыночном экономическом порядке по сравнению со старым, а он уже не устраивал по многим нормам и правилам современников Смита, закладывается иная общественная институция – норма сложного утилитаризма, впитывающая активную общественно-полезную деятельность и нарушающую, например, традиции производства для снижения издержек и цен. Дополнительный эффект от этого вида конкуренции, *открывшей* (!) новый вид товара или более совершенную форму организации, считалось моральным употребить в частных интересах. Критерий же общего развития страны виделся в росте населения, поскольку именно оно с позиций основателей трудовой теории стоимости выступало главным источником и материального богатства.

Понятно, что времена и нравы размыли те рамки политико-экономического мышления и порядков, которые закладывались не только просвещенной частью населения, религиозными деятелями, политиками, промышленниками. Сегодня, как следует из словарей, конкуренция (*лат. concurrentia*, от *лат. concurro* – сбегаясь, сталкиваясь) – это борьба между экономическими

субъектами за максимально эффективное использование факторов производства. Понятие это, таким образом, при всей риторике о нарастающем цивилизационном процессе значительно сузилось до примитивного экономизма, который, безусловно, «сидит» в человеке и человечестве, но вовсе не отражает всей сути человеческих отношений. Если же следовать логике этого определения, то в этой борьбе всегда будет побежденный и победитель. Созидание второго будет осуществлено за счет разрушения первого. Выявит это кризис, если опираться только на непредвиденные стихийные силы. Но этого разрушения можно избежать, изучив проявления имеющихся и предстоящих событий, складывающейся конъюнктуры. Еще более благоприятный, не ориентированный на разрушение будет результат, если предусмотреть политику и инструменты формирования конъюнктуры и спроса. Но для этого знание о происходящих политико-экономических процессах и пр. должно быть если уж не полным, то вполне достаточным, чтобы принять регулирующие и упреждающие мероприятия. В реальности такого нет. Во-первых, хозяйствующие субъекты, потребители и пр. располагают различными когнитивными способностями. Во-вторых, если банки аккумулировали денежные средства, то от таких банков информации пока еще нет. Но они в том или ином виде формируются, поскольку разрушительная сила конкуренции явно и неявно признается индивидами и сообществами. В-третьих, нет одинакового доступа к информации как общественному благу. Вот здесь, в информационно-коммуникативных институциях разворачиваются действительно серьезные баталии. В-четвертых, и мы опять приходим к проблемам экономической науки, последняя, под влиянием разных обстоятельств и условий, сил давления, утратила свою эвристическую функцию. В-пятых, есть массовое общественное сознание, которое при определенных условиях становится материальной силой, как отмечали классики. Какую силу воспитали за последних три десятилетия? По крайней мере не творческую и не ориентирующуюся на интеллектуальное напряжение и созидательность. Сила потребления оказалась значительно более влиятельной, чем сила производства.

Еще более трех десятков лет тому назад при смене основополагающих доктрин однозначно утверждалось об универсальности «экономикса» и отсутствии в нем идеолого-политического компонента. Печально, что и политики, и многие профессора просто поверили в это. Сегодня под влиянием жестких реалий как будто бы начали прозревать, о чем настойчиво говорят многие экономисты, философы, политологи. Дело не в том, что идеология – это плохо. Без идеи и, следовательно, без парадигмальной основы, которая зиждется на основе устоявшихся и общепринятых идей, не бывает ни одной науки. Бывает «плохая» или консервативная идеология, которая никак не ведет к общенациональному храму. Некоторые вживленные в общественное сознание идеологии могут лишь на основе общего разрушения строить храмы для отдельных социальных групп, которые никак даже нельзя назвать элитами. Элита тогда элита, когда она обеспечивает своим интеллектом, своей деятельностью общественное развитие и прогресс. Еще полвека тому назад по этому поводу Дж. К. Гэлбрейт сказал: «Одна из редких, но хорошо вознаграждаемых профессий в свободном обществе состоит в том, чтобы снабжать тех, кто в состоянии платить, нужными им выводами и умозаключениями, должным образом подкрепленными статистическими данными и моральным негодованием» [3, с. 313].

Это означает не только неприятный факт отсутствия более или менее внятного прогноза будущего мирового развития, стран в частности на основе выявления закономерностей и тенденций развития. Ситуация неопределенности, обусловленная в том числе изменением статуса науки в целом от центрального к вспомогательному и пропагандистскому при принятии стратегических решений, характеризует перенос центра тяжести хозяйствования с рынка, а точнее от обмена (каталлактика) и производства в допроизводственную, проектную или процессную стадию. Особенность, таким образом, современной процессной экономики заключается в том, что изучение институтов, их проектирование и планирование, а в последующем и внедрение в реальную хозяйственную жизнь, в экономику выступает исходной стадией всего текущего

воспроизводственного процесса. Стихия в этом процессе *допускается* в рамках возможного... Это возможное лежит в плоскости того, что непредвиденные события не должны помешать достижению фундаментальных целей глобального капитала. Сформировался новый вид не совсем частной, но особой формы корпоративной собственности на производство институтов. Это по преимуществу функциональная форма собственности, но закреплённая за особыми лицами, группами лиц или корпорациями. Что, например, является частной собственностью ФРС Соединённых Штатов Америки и какой они продукт производят? А являются ли банки частными институтами, которые «работают» по преимуществу с привлечённым, чужим капиталом? Но в этой сфере уже работают тысячи сотрудников, извлекая в процессе своей деятельности институциональную ренту. Её источник – это транзакционные издержки, которые несут субъекты реального хозяйствования и потребители. В результате растут все цены на все товары и услуги. Конкретный производитель мороженого, например, в своей конкурентной стратегии, если пользоваться терминологией прошлого, крайне ограничен стандартами, нормами, правилами, технологическими регламентами, рынками сбыта и пр. Поэтому, как верно подметил Ю.М. Осипов, конкуренция – «это не только состязательность с другими, не только борьба с самим собой, но соперничество собственных решений и действий, это – выбор между возможными вариантами поведения, хождение в неопределённости, вероятный поиск» [4, с. 214]. В связи с этим хотелось бы также напомнить, что у Й. Шумпетера, который стал сегодня популярен в силу его значимой работы «Теория экономического развития», в последней есть очень характерный подзаголовок «Исследование предпринимательской прибыли, капитала, процента и цикла конъюнктуры». В этой работе автор раскрывает смысл экономического развития, показывает в каком направлении и как осуществляется достижение этих целей. Главной функцией предпринимателя, по Й. Шумпетеру, является способность осуществлять производство. «Производить, – считал Й. Шумпетер, – значит комбинировать имеющиеся в нашей сфере вещи и силы... Производить... – значит создавать новые комбинации из этих вещей и сил» [5, с. 158]. Как видим, состязательные начала у данного автора в сфере производства совсем иные: прежде чем конкурировать на рынке, например, автомобилем, надо его сначала создать в чертежах, аккумулировав научно-технический потенциал страны, представить в технологиях и технике, научить рабочих и пр., а потом уж найти деньги и организовать выпуск этих автомобилей. Этот товар, кстати, будет уже с ценой и никаким спросом пока на данном этапе никак не формирует этот показатель. Он возникнет уже потом, когда потребитель будет «приучен» к автомобилю или, скажем, к тостеру, шариковой ручке.

Но сегодня производство расширило свое поле деятельности. Производство институтов – это новый и особый вид производства современной экономики. Здесь традиционные категории политической экономии об «орудиях труда», «средствах труда», «максимизации прибыли» и пр. не отражают сути происходящих явлений и процессов. В этом виде деятельности используются по преимуществу информационно-психологические технологии. В некоторой степени это тот же третий сектор экономики, который реально уже функционирует и реально влияет на все остальные сектора экономики и общественно-политическую жизнь отдельных стран и мира в целом. К сожалению, формируя институты по определенным правилам (?) и далеко не с одинаковыми условиями поведения и хозяйствования, закрепляется и усиливается сложившееся неравенство стран, фирм и пр. И дело не в материально-финансовом неравенстве, хотя оно тоже может быть предметом рассмотрения в условиях современного «рынка». Дело в том, что создаваемыми нормами и стандартами, их манипуляцией исключаются из конкурентной борьбы те, кто влияет и кто учредил эти институциональные организации и учреждения. Это и дало повод говорить о двойных или даже тройных стандартах поведения в современной мировой системе.

Особенно в неблагоприятных условиях оказались в связи с этим так называемые «реформирующиеся страны». Они заранее были поставлены историческими событиями перестройки в наихудшие конкурентные позиции. Кроме того, что у них исторически сложилась

еще до 1917 года система производственных отношений, дополненная за 70 лет еще более специфическими, которую Г. Клейнер назвал экономикой физических лиц. Действительно, мы от форм государственного капитализма перешли к активному использованию мелкотоварного уклада, который и по организации, и по качеству продукции, и по сознанию, и по инновационным возможностям значительно уступает первому.

Необходимость физического выживания предприятий и населения обвалила цены на мировых рынках на их выпускаемую продукцию и особенно на сырье. Закрепилась сырьевая модель воспроизводства российской экономики, а в Беларуси был сделан шаг назад в использовании форм производительного капитала: доля высокотехнологичной продукции снизилась по сравнению с началом 90-х годов почти в два раза. И пока даже с введением инновационной национальной системы ситуация с повышением конкурентоспособности выпускаемой продукции мало чем изменилась. И с нашей точки зрения, потому, что не используются и не иницируются эффекты социальной соревновательности. Ее примером может быть монополия, которая, кстати сказать, возникла как альтернатива конкуренции. О свободной конкуренции можно говорить ярко и с ностальгией, но отрицать факт устойчивого развития монополий никто отрицать не может. У нее значительно больший потенциал развития науки и технологий, внедрения новых организационных форм. Внутри монополии нет экономической конкуренции, поскольку там нет товарного обмена, но могут развиваться и использоваться соревновательно-деятельные формы, раскрывающие потенциал отдельных работников, бригад, специализированных цехов и пр. Монополии не «разваливаются» и их не развалишь по произволу потому, что положительный эффект от их социально-корпоративного действия больше, чем отрицательный. Но в свою очередь надо понимать, монополии, возникнув, получили возможность, необходимость и силу использовать далеко не экономические методы извлечения прибыли и других своих целей. И конкуренция, понимаемая в традициях сложившихся представлений, здесь ни при чем. Этот вывод имеет для нас (России, Беларуси и пр.) практическое значение, потому что до сих пор властно требуют не только приватизации крупных предприятий, но и технологической децентрализации. Этот разрушительный процесс, основанный, наверное, и на непонимании связи между многими техническими, социальными, политическим, экономическими процессами, но, скорее, вызван острым желанием устранить своего прежнего идеологического соперника – ассоциированное сознание и коллективную деятельность. Инициаторы рыночной реформы по-большевистски решительно провели приватизацию, формально создав рынок, но реально не создали эффективной экономики, где бы капитал и труд были равноправными партнерами. Результат: капитал не может из-за своего узкоутилитарного сознания и поведения, труд – унижен, что уже это понял и начинает самоопределяться.

Если проследить эволюцию логики экономической науки, то она своими школами, научными направлениями представляет не что иное, как конкуренцию умов, идей. Последние имеют, как правило, прочную социально-экономическую основу и поэтому отражают интересы определенных представителей бизнеса, политики и пр. Того же Маркса при всем при том, что он написал «Капитал», называют политэкономом сформировавшегося на тот период нового класса – пролетариата, имеющего не просто свой интерес, а интерес доминирующий в структуре экономических интересов и отношений. Он в работах получил свое теоретическое обоснование не только онтологическое, но теоретическую защищенность, перспективу и формы взаимодействия. С ним стали считаться и это можно заметить по тому, как изменились пропорции в производимых годовых продуктах, национальном богатстве. Возникла идея среднего класса. Мы не будем давать ей оценку, но она появилась не просто так, а под влиянием институциональных изменений, которые отразили реальные и мировоззренческие изменения. Средний класс реально становился некоторым балансом между классом капитала и труда, снимающего между последними имеющееся противоречие.

Не являясь сторонником ни нравственного, ни интеллектуального наследия приводимого ниже Журнал «Теоретическая экономика» №2, 2014

автора, который уже после «политического внедрения рынка» в России ставит вопрос «что делать?», что правильно, но очень странно для людей такого толка мышления и политической активности, приведем еще одну мысль из этой статьи: «Таким образом, советская экономика уже не справилась с задачей инновационного развития. Российская рыночная экономика еще не сумела с ней справиться». И еще: «Чего пока не хватает?.. Необходимо на некоторое время сбавить темп, оценить сделанное и заново обозначить цели. Нужна комплексная стратегия инновационного развития. Для начала нужно выбрать оптимальный горизонт планирования» (подч. нами – П.Л.) [7, с. 121, 126]. Вот так – *необходим жесткий план научно-технического развития* с концентрацией внимания на фундаментальных, прорывных стратегиях с горизонтом в десять-двадцать лет. Но парадокс налицо – две казалось бы альтернативные системы одинаково не восприимчивы к научно-техническому прогрессу. Но в первом случае, как было принято говорить, недооценивалась роль денег в этом процессе, то во втором случае явно доминирует даже не денежный интерес, а алчность бизнеса, ориентированного на простой утилитаризм. Итог – разрушение и потеря многими молодыми рыночными странами своего научно-технического, производственно-экономического и социально-институционального потенциала.

Современный этап новейшей экономической истории стран бывшего социализма, таким образом, кратко можно выразить следующими категориями: хозрасчет, перестройка, научно-технический прогресс и ускорение (проблема), рынок, приватизация, инновации, модернизация и развитие. То есть и та, социалистическая система, и нынешняя – рынок – оказались одинаково невосприимчивой к инновациям и активному повышению конкурентоспособности и качества продукции. Под давлением узкоэгоистических политических интересов усилилась национальная обособленность стран, в результате чего природно-сырьевая направленность их экономик усилилась, а разложение соответствующих технологических укладов значительно обусловило деиндустриализацию, не только, например, России, Молдовы, других ныне уже самостоятельных государств, но и Беларуси, которая в рамках единого союзного комплекса имела весьма высокие индустриально-экономические показатели. Например, если в начале 90-х годов прошлого века в Беларуси доля продукции 5-го технологического уклада в структуре ВВП занимала около 10 %, то после попыток реализации национальных инновационных систем этот показатель составляет уже около 3-4 %. Справедливы выводы о снижении инновационной активности в республике и за 2010 год, хотя, как известно, влияние центральной власти в этом процессе весьма жесткое и решительное. Несмотря на статус индустриальной республики за тот же 2010 наибольшая инновационная активность зафиксирована в отраслях химии и нефтехимии (64 %), машиностроения, а точнее, металлопереработка (51 %) и топливной промышленности (45 %). В основном в этих секторах экономики инновации распространялись на освоение новых видов продукции при максимальной загрузке имеющегося оборудования и меньше в освоении новых технологий. Инновационные же планы руководителей предприятий на 2011 г. оказались еще менее оптимистичными [7, с. 194-195].

Вывод. Сегодня конкуренция в отработке экономической идеологии не утихает, скорее, наоборот. Но никто прямо почему-то не говорит, какому же интересу он служит: державе и народу в целом, финансовому капиталу, капиталу промышленному, свободному от собственности труду и т.д. При всех трудностях, которые сегодня озвучиваются в разных источниках информации все-таки наилучшее положение занимает главный источник богатства – труд, а, точнее, человек. Но он оказывается сегодня наименее организованным и наиболее уязвимым с точки зрения влияния всей информационно-пропагандистской машины на его мировоззренческие позиции, на его культуру в широком смысле слова, включая производственную. Интуитивно понимая свое униженное положение, труд начинает «сжиматься» и сегодня многих рабочих профессий на рынке труда нет. Он, труд, также начал скрытую забастовку – об этом свидетельствуют показатели производительности труда. Капитал даже пока и не собирается учить рабочих новым методам

организации производства, новым профессиям и т.д. Предполагается наивно, что частная собственность «сама» проявит свои преимущества. Но этого не случится до тех пор, пока наметившийся антагонизм интересов между основными классами потребует выработки совершенно иных норм производственно-экономических отношений, стандартов организационного поведения и правил социального взаимодействия. По нашим расчетам в Беларуси и выводам российских авторов, в соотношении между индивидуализмом и коллективизмом последний доминирует в приоритетах поведения. Весьма своеобразное отношение и к собственности в целом: наблюдается нейтральность к собственности как производственному ресурсу. Это означает, что конкуренция в этом направлении не обеспечит «напряжения» к производственно-экономической активности населения. В целом же экономическая ментальность народов Беларуси, России и других реформирующихся стран – это та важнейшая институция, которая составляет основу выбора эффективных хозяйственных форм и поэтому требует более пристального внимания, чтобы исключить волюнтаризм в реформах [8]. Право и соответствующие инструменты всегда лишь обрамляли и закрепляли хозяйственные формы, которые должны соответствовать уровню техники и технологий, организационным методам, интересам хозяйствующих субъектов, законам производства и принципам распределения. В качестве домашней задачи предложим дочитавшему до конца эту статью, сформулировать тот экономический закон или принцип, по которому сегодня распределяются, например, доходы. А ведь именно эта норма, являющаяся следствием исторического процесса развития и, естественно, закрепленного в формальных актах, обеспечивает критерий возможного согласия в конкурентной борьбе между мировоззрением основных производительных классов. Следствием его выступает, как свидетельствует теория и история – повышение производительности труда и общественного производства в целом, чего сегодня так не хватает нашим странам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кругман П. Выход из кризиса есть! / П. Кругман ; [пер. с англ. Ю. Гольдберга]. – Москва: Азбука Бизнес, 2013. – 318 с.
2. Смит А. Теория нравственных чувств: [перевод] / А. Смит ; [вступительная статья Б.В. Мееровского]. – Москва: Республика, 1997. – 350 с. – (Библиотека этической мысли).
3. Гэлбрейт Дж.К. Новое индустриальное общество/ Дж.К. Гэлбрейт. – М.: Прогресс, 1969. – 480 с.
4. Осипов Ю.М. Теория хозяйства: начала высшей экономики: учебник. В 3 т. Т. 1-3 / Ю.М. Осипова. – Москва: Изд-во МГУ, 1995-1998.
5. Шумпетер Й. Теория экономического развития: (исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры) / Й. Шумпетер ; пер. с нем. В.С. Автономова [и др.]. – Москва: Прогресс, 1982. – 455 с. – (ЭМЗ. Экономическая мысль Запада).
6. Лемещенко П.С. Неформальные институты и рыночная реформа в Беларуси: эволюция, противоречия, стратегия / П.С. Лемещенко, А.М. Сидорова. – Минск, 2013.
7. Чубайс А. Инновационная экономика в России: что делать? / А. Чубайс // Вопросы экономики. – 2011. – № 1. – С. 120– 126.
8. Хмурович Л.В. Инновационный аспект деловой активности белорусских промышленных предприятий / Л.В. Хмурович // Перспективы инновационного развития Республики Беларусь: сб. науч. ст. III Международной научно-практ. конф., Брест, 26-28 мая 2012 г. / – Брест: Издательство БрГТУ, 2012. – С. 194—196.